

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С «НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ»: НЕМЕЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются вопросы реализации в годы Первой мировой войны масштабной кампании, направленной против немцев, как германских, так и российских подданных. Сделан вывод о том, что политика властей по отношению к немецкому сельскохозяйственному предпринимательству в годы Первой мировой войны на территории Западной Сибири свелась к принятию дискриминационных мер, направленных, прежде всего, на ущемление и ликвидацию имущественных, в том числе земельных, прав, а также этнокультурной самобытности немецкого населения.

Ключевые слова: Первая мировая война; немецкое предпринимательство; сельские предпринимательские хозяйства; Западная Сибирь; кампания «борьбы с немецким засильем»; антинемецкая кампания; ликвидационные законы; «вражеские подданные»; «российские подданные, выходцы из стран, воюющих с Россией».

История Первой мировой войны и участие в ней России всегда были в центре внимания профессионального исторического сообщества. Юбилей «Великой войны» еще более актуализировал исследования по изучению различных ее аспектов. К числу интересных, но в то же время мало исследованных вопросов истории Первой мировой войны относится масштабная кампания, направленная против определенных меньшинств, вдруг ставших для государственной и политической элиты, всего российского общества опасным «внутренним врагом». Первоначально данные мероприятия были акцентированы на «неприятельских подданных», т.е. граждан в военное время вражеских государств, но со временем кампания в России быстро распространилась и на тех подданных, которых государство посчитало «неблагонадежными» в силу национальности и / или этнического происхождения. Вопросы «борьбы с немецким засильем» в военный период рассматривали многие авторы. Среди них можно выделить С.В. Бааха, С.Г. Нелиповича, А.И. Шубину, И.Г. Соболева, Э. Лора и др. [1].

В годы Первой мировой войны в практике многих европейских государств были мероприятия, направленные против вражеских подданных, ограничивающих их экономическую деятельность [2. С. 9–10]. В России эта кампания имела свои особенности. Ее специфика заключалась в том, что во многих странах Европы иммигранты из других государств были экономическими и социальными маргиналами, а в России подданные в будущем враждебных государств занимали ключевые позиции в экономике, являясь крупными предпринимателями, землевладельцами, инвесторами, высокооплачиваемыми служащими и квалифицированными специалистами. Более того, в России общественно-государственная кампания затрагивала не только иностранных граждан, но и широкие круги уже натурализовавшихся иммигрантов, российских подданных, чья лояльность, как указывает современный американский историк Э. Лор, «подвергалась сомнению по причинам этнической и конфессиональной принадлежности или страны происхождения» [Там же. С. 12].

Самой многочисленной группой этнических меньшинств, пострадавшей от ограничительной поли-

тики российских властей в военный период, были немцы. Инициатором мероприятий по «борьбе с немецким засильем» выступала центральная власть, на региональном уровне в процессе реализации ее решений административные практики не всегда совпадали с «политикой центра» и в принципе иногда отличались друг от друга в том или ином районе империи. Где-то местная власть шла по пути ужесточения и без того однозначно дискриминационной политики, где-то, напротив, старалась по возможности смягчить инициативы и распоряжения, исходящие от центральной власти. Не концентрируясь на применении ограничений ко всем «вражеским подданным», или «российским подданным, выходцам из стран, воюющих с Россией», данное исследование сосредоточено на изучении политики государственных органов власти и управления в отношении немецкого сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири. Следует отметить, что о положении немецкого населения в регионе в условиях Первой мировой войны писали П.П. Вибе, А.Э. Маттис, В.Н. Шайдуров, Г.Н. Алишина, М.В. Шиловский, Н.В. Греков и др.

Настоящее исследование основывается на использовании широкого спектра репрезентативных исторических источников, включающих как опубликованные, так и архивные документы, многие из которых в научный оборот вводятся впервые. Работа выполнена в рамках междисциплинарного синтеза, что обусловило использование категорий и методов социальной истории, сочетание макроаналитических стратегий и микроисторического подхода. Методологической основой исследования выступают элементы универсальной схемы развития диаспоры (З.И. Левина), теория «торговых меньшинств» (В.И. Дятлова), а также теория «о призванной диаспоре» (Дж. Армстронга), которые послужили объяснительной моделью при рассмотрении характера взаимоотношений немецкого населения с российскими властями [3–5].

В современной научной литературе неоднократно отмечалось, что Первая мировая война оказала существенное влияние на функционирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири. В более сложном положении находились предприниматели-немцы.

Антинемецкие настроения в России появились задолго до Первой мировой войны. В разные годы современники обращали внимание как на возрастающее влияние немецких предпринимателей в промышленности, так и на рост немецкого землевладения [6. С. 47]. Западная Сибирь в этом отношении также не была исключением. Еще в 1910–1913 гг. в центральных газетах «Объединение», «Новое время», «Голос Руси», «Дым Отечества», «Свет» и других появился целый ряд публикаций, в которых авторы били тревогу по поводу «нашествия немцев» в Западную Сибирь [7, 8]. Однако, несмотря на подобные публикации, по мнению современного томского историка Г.Н. Алишиной, «"немецкий вопрос" до событий 1914 г. так и не обрел особой популярности, уступая позиции куда более "явной" "еврейской угрозе"» [9. С. 196–197]. Поэтому политика центральной власти и как следствие – региональных административных элит по отношению к российским немцам в предвоенный период была доброжелательной [10, 11]. Немецкие колонисты, представители бизнеса не были стеснены в своей хозяйственной деятельности и культурной жизни. Более того, бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново в феврале 1914 г. в записке на имя царя указывал, что немцы верно служат царю и, в отличие от других иностранных инвесторов, постоянно проживают в империи, их предприятия являются частью народного хозяйства, а враждебное отношение к ним лишь подрывает государственную власть [2. С. 34].

Вступление России в Первую мировую войну изменило ситуацию. Практически сразу началась широкомасштабная кампания по борьбе с «немцем внутри страны». В новых российских реалиях этническое происхождение стало маркером политической лояльности. Так, влиятельная и массовая консервативная газета «Новое время» задавала тон этой кампании, помещая массу материалов о немцах, проживающих на территории империи, обвиняя их в шпионаже, расселении на русских землях согласно «германскому колонизационному плану», завоевании значимых позиций в имперской экономике [Там же. С. 37]. Мероприятия, из которых эта кампания состояла, были различными. К ним можно отнести формирование «образа врага» в сознании общественности, переименование населенных пунктов и ограничение преподавания на немецком языке, депортацию российских немцев из прифронтовой полосы, а также наступление на немецкое землевладение, механизмом которого стали «ликвидационные законы» от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. [6, 7]. Был даже создан Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, положение о котором было Высочайше утверждено 1 июня 1916 г. [12]. Следует так же отметить, что в целом сценарий развития «антинемецкой кампании» в европейской части империи и в Западной Сибири был одинаков.

Первыми ощутили на себе ограничительные меры подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица, находившиеся в германском, австрийском или турецком подданстве и оказавшиеся на момент начала боевых действий на территории Российской империи. 28 июля 1914 г. Штаб корпуса жандармов и Военное

министерство телеграфировали в военные округа России о том, что «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту, а запасные чины также признаются военнопленными и высылаются из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутию» [13. С. 151]. Государственные органы сработали слаженно. Так, уже вечером 28 июля Акмолинский губернатор отдал распоряжение начальнику Омского жандармского управления выяснить, «нет ли на территории области состоящих в военном резерве германских подданных. Если таковые имеются, то их объявить военнопленными и под охраной доставить в казармы 43-го полка» [Там же. С. 152]. Жандармам не нужно было наводить какие-либо справки, искать дополнительную информацию, так как с 1909 г. они составляли подробные списки германских и австрийских подданных, проживающих в городах и уездах Сибири, которые ежегодно уточняли. Поэтому первые аресты начались оперативно, с конца июля 1914 г. [Там же. С. 152].

К началу октября 1914 г. на территории Степного края было арестовано 246 германских подданных, впоследствии отправленных в Тобольск. Из них большинство проживали в сельской местности, и занималось хлебопашеством. Остальные имели разную сферу приложения труда – техники, мастера колбасного дела, пивовары, конторщики. Так, наиболее видное положение до ареста в Омске занимали немецкие купцы, братья Пауль, Оскар и Рихард Нольте. При этом Оскар Нольте был нештатным германским консулом в Омске. Следует указать, что многие из арестованных еще до войны подавали прошения о вступлении в русское подданство [Там же. С. 152–153].

В этот период в Сибири имело место и исключение вражеских подданных из различных общественных организаций. Так, в Томской губернии по постановлению местной администрации было решено «исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству» [14].

Далее на подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в Сибири, началось давление с целью ущемления их имущественных прав. В том же Томске чиновники описали и конфисковали на пивоваренном заводе германского подданного Р.И. Крюгера, 35 лет безвыездно прожившего в России, всех лошадей, конскую упряжь и повозки. В результате данных ограничений мероприятий более 200 человек лишились работы [15. С. 186]. Перечисленные меры центральных и местных властей по отношению к подданным вражеских держав не были исключительно российским явлением, так как подобная практика была широко распространена во многих странах и являлась в какой-то степени нормой для многих воюющих государств.

В военное время сибирские немцы, независимо от гражданства, стали объектом для подозрений. С начала войны и в последующие годы в канцелярии сибирских губернаторов поступали массово доносы и жало-

бы на подозрительное поведение или антирусские речи немцев. Проверку информации вели жандармы, но, как правило, доносы содержали явную ложь. Отметим такой интересный факт, что в плане борьбы с «немецким засильем» образцом чисто народного творчества стало обошедшее всю азиатскую окраину империи известие о бегстве Е.О. Шмита [15. С. 221]. Массовые доносы, жалобы на подозрительное поведение граждан были и в самой Германии, только там жаловались на англичан, русских и др. [13. С. 155].

Идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования, которая вызывала жаркие споры в Европейской России и в предвоенный период, была очень популярна в Сибири. Сельскохозяйственные предприниматели-немцы составляли в регионе существенную группу арендаторов и землевладельцев. По данным Крестьянского поземельного банка, к началу мировой войны в Омском уезде немцам принадлежало 73 участка с общей площадью 63 995 дес., что составляло 44% всей частновладельческой земли в уезде. В Петропавловском уезде они владели 17 участками общей площадью 13 362 дес. земли (13% от частновладельческого фонда). В Тобольской губернии у лиц немецкой национальности было 37 участков, площадь которых составляла 16 681 дес., или 5% всех частных земель губернии. В Каинском уезде Томской губернии к 1916 г. немцы использовали в хозяйственных целях более 4 тыс. десятин земли [16. С. 38].

Предприниматели-немцы составляли существенную группу арендаторов земель Сибирского казачьего войска. По данным за 1905 г., т.е. в начале массовой аграрной колонизации региона, из 42 заарендованных на длительные сроки участков казачьих земель 9 участков (21,4%) арендовали сельские хозяева-немцы. А в 1912 г. из 115 крупных владений, названных в «Памятной книжке Акмолинской области» за этот год, немцам принадлежали 53 (46,0%) участка [17. С. 65–66].

Заметим, что в Сибири отношение к немцам во многом определялось позицией высшего начальства. Так, начало Первой мировой войны вызвало всплеск антинемецких настроений в управленческой элите. Степной генерал-губернатор, обладатель немецкой фамилии Е.О. Шмит, заложил начало ассимиляционной политике в отношении немцев в Сибири. Он призывал подведомственные ему полицейские органы к «репрессивной борьбе с колониями немцев внутри нашего отечества» [18].

С 1915 г., когда Степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа стал генерал Н.А. Сухомлинов – ярый противник присутствия немцев в регионе, в Западной Сибири интенсивнее стали претворяться в жизнь ограничительные меры [19]. По мнению исследователей, в Степном крае в годы войны имела место настоящая антинемецкая «истерия» [13. С. 136]. Такого размаха шпиономании не было зафиксировано больше нигде в Сибири. Население края неустанно сообщало о вражеских аэропланах, которые якобы приземлялись для дозаправки в немецких колониях, причем наиболее часто в качестве мест приземления летательных аппаратов фигурировали немецкие предприниматель-

ские хозяйства, в которых имелись мельницы [13. С. 137].

Однако антинемецкие настроения не затронули сознания подавляющего большинства простых жителей региона. За весь период войны в Сибири не наблюдалось антинемецких погромов, а также общественных организаций, направленных против российских немцев. Омские хулиганы, которые летом 1915 г. открыто готовили погромы в немецких домах, на самом же деле, по донесению жандармов, намеревались разграбить магазины русских купцов [20]. Но, тем не менее, в регионе отмечался рост взаимного недоверия между русским и немецким населением. Так, осенью 1915 г. Барнаульский уездный исправник в донесении Томскому губернатору указывал на «скрытое, ничем пока не проявляемое враждебное настроение» по отношению к немцам и «заметное враждебное отношение ко всему русскому». При этом, по свидетельству исправника, в форму явного проявления недовольства эти настроения не выливались [21].

В противовес этим свидетельствам можно привести выдержки из отчетов других чиновников, описывающих совершенно иное отношение к немцам. Крестьянский начальник 3-го участка Томского уезда, например, утверждал, что взаимоотношения немецких колонистов с местными жителями «такое же, как отношение друг к другу русского населения» [22. Л. 5]. Заведующий Купинским подрайоном Томского района сообщал, что «взаимоотношения немцев с местными жителями русского населения довольно миролюбивые» [23. Л. 46]. Все это позволяет утверждать, что население, по крайней мере, Томской губернии не выступало инициатором в борьбе с «внутренними немцами» и не являлось в большинстве своем проводником и носителем антинемецких настроений.

Выше мы уже указывали на то, что в годы Первой мировой войны среди представителей сибирской администрации была очень популярна идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования. После принятия 2 февраля 1915 г. первого ликвидационного закона, основная идея которого сводилась к тому, чтобы запретить выходцам из Германии приобретать право собственности и залога, а также право владения и пользования недвижимым имуществом по всей территории империи, антинемецкая кампания приобретает юридическую основу и в Сибири. Запутанность текста нормативного акта, неопределенность в ограничительных статьях (происхождение или подданство), преобладание среди немцев региона русских подданных порождали сомнения у местных властей по поводу целесообразности проведения акции. Но чуть позже центральная власть пошла дальше, она принимает следующий ликвидационный закон от 13 декабря 1915 г.

Томский губернатор в 1915 г. предписал всем крестьянским начальникам и уездным исправникам ознакомиться с текстом первого закона, приняв его к сведению и руководству [12. С. 59]. Позже в циркулярных распоряжениях для Алтайского округа также была дана рекомендация при первой возможности стремиться к расторжению арендных договоров, заключенных с лицами немецкой национальности [13. С. 37].

При этом отметим, что единоличные договоры можно было оставить в силе только со следующими категориями немцев-арендаторов: меннонитами, если они докажут это документально; немцами, перешедшими в русское подданство до 1 января 1880 г.; родственниками по восходящей или нисходящей линии тех, кто участвует в действиях русской армии или флота против неприятеля; немцами, принявшими православие до 1 января 1914 г. Товарищеские договоры расторгались в том случае, если среди товарищей по аренде было хотя бы одно лицо, не удовлетворяющее требованиям закона от 2 февраля 1915 г. [7. С. 252].

Несмотря на поток жалоб немцев-арендаторов на имя начальника Алтайского округа, в которых приводились аргументы в пользу культурного значения их хозяйств, доказательства русского подданства владельцев, договоры с арендаторами по инициативе региональных властей стали расторгаться. К концу 1916 г. в Алтайском округе наблюдается сокращение численности немцев, арендующих земельные угодья, с 104 до 67 чел. При этом с 37 из них договоры аренды были расторгнуты раньше предполагаемого срока [5. С. 50]. По мнению омского историка П.П. Вибе, подобные действия властей были абсурдными, поскольку немцы арендовали у Кабинета Его Величества всего лишь 10 439,11 дес. земли в малопригодных для земледелия районах, или 0,14% от всей площади земель, обрабатываемых на Алтае [14. С. 33].

8 сентября 1916 г. с подачи командующего Омским военным округом и генерал-губернатора Степного края генерал-лейтенанта Н.А. Сухомлинова действие ликвидационных законов 1915 г. было распространено на Каинский уезд Томской губернии, а также на Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губернии [23. Л. 67 об. – 69]. В соответствии с положением от 8 сентября владельцам частных хозяйств отводился определенный срок для отчуждения принадлежавшего им недвижимого имущества «по добровольным соглашениям», после чего неотчужденное имущество должно было быть выставлено на публичные торги. Вскоре выяснилось, что земли, на которых расселены в большинстве своем немцы, им не принадлежат, а получены от Переселенческого управления [Там же. Л. 164, 165–165 об.]. Поэтому 20 октября 1916 г. было утверждено положение Совета министров от 7 октября, которым устанавливался особый порядок прекращения немецкого надельного землевладения в указанных выше уездах Томской и Тобольской губерний [Там же. Л. 156–157, 203–206]. В соответствии с этим новым положением одна часть земель должна была перейти в распоряжение Переселенческого управления, а другая – в распоряжение обществ старожильческих селений. За изъятие у немцев земли предусматривалось вознаграждение в следующем размере: 20 р. за десятину в Ишимском уезде, 21 р. в Тюкалинском уезде и 73 р. в Каинском уезде. За постройки и инвентарь выплачивалась сумма по их действительной стоимости [24. С. 39].

В отношении собственников земли, которых было не очень много, применялся общий порядок отчуждения с предоставлением срока на самостоятельную ликвидацию, по истечению которого нераспроданное имущество выставлялось на публичные торги.

Действие «ликвидационных законов» на практике первыми ощутили частновладельцы, многие из которых вели предпринимательское хозяйство. 16 декабря 1916 г. Тобольское губернское управление объявило, что если в течение 6 месяцев немцы, проживающие в Ишимском и Тюкалинском уездах, не ликвидируют свое недвижимое имущество, то оно будет выставлено на публичные торги [25. Л. 15]. К объявлению прилагался подробный список хозяйств, расположенных как на частных, так и на арендованных землях. В него попали, помимо хозяйств немецких колонистов и предпринимательские хозяйства, в частности хозяйства И.Ф. Вибе (6 400 дес.), В.Я. Энса (500 дес.), И.О. Гептинга (313 дес.) в Ишимском уезде. В Тюкалинском уезде предполагались к ликвидации хозяйства Г.А. Брауна (1 500 дес.), К.К. Эзау (1 400 дес.), И.И. Готмана (613 дес.), братьев Б.И., Д.И., Я.И. Дик (720 дес.) и др. [Там же. Л. 13–15, 68].

В Каинском уезде Томской губернии применение ликвидационных законов напрямую коснулось 30 меннонитских хозяйств, расположенных в Татарской волости. Их список, согласно общему порядку, был обнародован в начале 1917 г. Однако из-за смены власти в стране дальнейшая деятельность по ликвидации земельной собственности немецких колонистов была приостановлена [26. С. 35].

Мы уже отмечали, что в Степном крае получила широкое распространение история с «таинственным аэропланом», ставшая «апогеем шпионмании в Сибири» и используемая местной администрацией для «разжигания антинемецких настроений» [Там же. С. 40]. В августе 1915 г. в г. Омске стали распространяться слухи о появлении загадочного аэроплана в районе железнодорожного моста через р. Иртыш, который должен был его взорвать, чтобы вызвать затруднения в доставке с востока империи боевых припасов к линии фронта [27, 30]. 17 августа 1914 г. в газете «Омский телеграф» за подписью Н.А. Сухомлинова было опубликовано объявление, в котором обещалась награда тому, кто сообщит о местопребывании «вражеского аэроплана» [28. Л. 5–5 об.].

После публикации указанного объявления в «Омском телеграфе» в канцелярию степного генерал-губернатора стали поступать многочисленные сведения разных лиц о полетах аэропланов. В справке, подготовленной в сентябре 1915 г. чиновником особых поручений при степном генерал-губернаторе на основе заявлений «очевидцев», отмечалось, что большинство лиц сообщали, будто аэропланы скрывались в хозяйствах немецких предпринимателей Ф.Ф. Штумпфа, братьев Б.И., Д.И., Я.И. Дик, на мельницах Лехнера, Изаака, Бретмана и др. [28. Л. 41, 124–124 об., 159–161, 224–228, 299]. Для наблюдения за ними были специально созданы «особые, вооруженные винтовками наблюдательные посты, усиленные конными разъездами» [Там же. Л. 160 об., 162]. Никаких летательных аппаратов в этих хозяйствах обнаружено не было, но данный факт не вносил спокойствия в деятельность предпринимателей.

Примечательно, что «таинственные аэропланы» часто фигурировали в отчетах и в других губерниях региона. Так, в Барнаульском уезде Томской губернии

появление аэропланов «наблюдалось» якобы в предпринимательских хозяйствах Ф.П. Вибе, Г.Г. Фота [28. Л. 270]. Подобные факты фиксировались и в Курганском уезде Тобольской губернии. Парадоксально, но аэропланы видели даже под Иркутском [15. С. 187]. В итоге кампания по розыску «таинственных аэропланов» выполнила свою основную задачу. «Образ врага, усиленно формировавшийся представителями местной администрации, — по мнению П.П. Вибе, — еще сильнее стал отождествляться с сибирскими немцами-колонистами и предпринимателями» [24. С. 41].

Характерной чертой того времени стали доносы русских граждан на лиц иностранного происхождения или носящих фамилии, воспринимаемые на слух как немецкие. Так, громоотвод и сигнализацию от воров, установленные на доме торговой фирмы «Эльворти» в Омске, некоторые бдительные обыватели принимали за особое устройство, приспособленное для беспроводного телеграфирования в Германию [29. С. 75–76, 81]. Таким образом, шпиономания, охватив локальное сообщество, стала частью текущего политического дискурса и основной чертой как российского, так и регионального политического пейзажа.

«Антинемецкая политика» генерал-губернатора Н.А. Сухомлинова объясняется, прежде всего, тем, что он открыто выступал за ликвидацию немецкого землевладения и землепользования, неоднократно высказывался за передачу этих земель в войсковой запас Сибирского казачьего войска, что, по его мнению, «даст возможность войску удовлетворить насущную потребность в земле увеличивающемуся казачьему населению» [30]. Отметим, что на 1915 г. в Степном крае у лиц немецкой национальности в собственности было 73 840 дес., а в долгосрочной аренде — 83 034 дес. земли [31. Л. 357а, 358, 430 об.]. При этом многие из них были известными в регионе предпринимателям, которые вели крупные высокотоварные и культурные хозяйства.

29 января 1916 г. в Петрограде под председательством сенатора И.Е. Ильешенко состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос о применении

ликвидационных законов в Степном генерал-губернаторстве. Рассмотрев проект Н.А. Сухомлинова, после продолжительных споров совещание признало «хотя и желательным, но преждевременным в хозяйственном отношении распространять ограничительные правила на весь Степной край» [24. С. 43]. Позже, 6 февраля 1917 г. ликвидационные законы все же были распространены также на Акмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской области и земли Сибирского казачьего войска [25. Л. 409 об., 424]. Однако после падения самодержавия 11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о приостановлении действия ликвидационных законов вплоть до решения данного вопроса Учредительным собранием [13. С. 139].

Таким образом, фактического отчуждения земель у немцев, состоявших в иностранном и российском подданстве, в Сибири почти не наблюдалось. Это объясняется позицией местных властей, которые не проявляли инициативы и активности в «немецком земельном вопросе», а многие циркуляры из центра выполняли довольно формально. Следует учитывать и такой немаловажный факт, что, оказавшись в Сибири в иноэтничной среде, немецкие предприниматели не считали себя изгоями, так как со временем втягивались в новые хозяйственные, культурные и общественные коммуникации. Уровень натурализации, познаний в русском языке и культурной ассимиляции среди представителей немецких предпринимательских кругов был очень высок.

С другой стороны, «антинемецкая кампания» обозначила более четкое желание в объединении различных немецких сообществ региона перед лицом общей угрозы, помогая усилить осознание единства и национальной идентичности. В различных источниках этого периода отчетливо прослеживается тенденция, что с 1917 г. представители немецкого сообщества, в том числе и предпринимательского, начинают активно заниматься политикой, отстаивая идею национально-культурной автономии сибирских немцев [Там же. С. 193–206].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов В.М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2 (29). С. 88–97.
2. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. 304 с.
3. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. 176 с.
4. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000. 190 с.
5. Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70, № 2. P. 393–408.
6. Алишина Г.Н. Борьба с «внутренним немцем» в годы Первой мировой войны в Томской губернии // Немцы Сибири: история и культура. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова. Омск, 2010. С. 47–53.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 5948. Л. 8, 106–109 об., 162, 163, 165; Д. 5959. Л. 2, 8, 16.
8. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее БУ Иса). Ф. 366. Оп. 1. Д. 413. Л. 2.
9. Алишина Г.Н. Немцы Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: стратегия и практика диаспорализации : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 324 с.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 4, 37.
11. Государственный архив Томской области (далее ГАО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1274. Л. 14, 16.
12. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
13. История и этнография немцев в Сибири / сост., науч. ред. П.П. Вибе. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. 752 с.
14. Сибирская жизнь. Томск, 1914. 14 сентября.
15. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.

16. Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь : сб. статей. Омск, 1996. С. 5–57.
17. Зашибина Е.Л., Киселев А.Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 63–78.
18. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695а. Л. 16.
19. БУ ИсА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 195. Л. 185.
20. БУ ИсА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 44а. Л. 13.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4201. Л. 167, 175.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
23. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316.
24. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007. 368 с.
25. Государственной учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольска. Ф. 335. Оп. 1 (607). Д. 30. Л. 15.
26. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX в. Омск, 2011. 320 с.
27. БУ ИсА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Л. 31.
28. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059.
29. Котвицкая Г.А. Отношение к Первой мировой войне в массах. 1914–1916 гг. (по материалам Омского жандармского управления) // Страницы методологии и истории : сб. науч. статей / под ред. В.Н. Худякова, А.Г. Киселева. Омск, 2003. С. 72–82.
30. БУ ИсА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 126.
31. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

IMPLEMENTATION OF MEASURES FOR THE FIGHT AGAINST GERMAN DOMINANCE: GERMAN ENTREPRENEURIAL FARMS IN WESTERN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 86–92.

DOI: 10.17223/15617793/430/12

Ivan I. Krott, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivkrott@mail.ru

Keywords: World War I; German entrepreneurship; rural entrepreneurial economy; Western Siberia; campaign “fight against German dominance”; anti-German campaign; liquidation laws; “alien citizens”; “Russian citizens, coming from countries at war with Russia”.

On the basis of archival and published sources, the issues of implementation of a large-scale campaign against the Germans, both German and Russian nationals, who suddenly became dangerous “internal enemies” for the state and political elite and the Russian society are discussed in the article. The aim of this study is to understand the authorities’ policy towards German agricultural entrepreneurship in Western Siberia during the First World War. The methodological basis of the research is elements of the universal scheme of a diaspora development (Z.I. Levin), the theory of commercial minorities (V.I. Dyatlov) as well as the theory of mobilised diaspora (J. Armstrong), which served as an explanatory model for considering the nature of the relations of the German population with the Russian authorities. The author concluded that the authorities’ policy towards German agricultural entrepreneurship in the First World War on the territory of Western Siberia was reduced to the adoption of discriminatory measures (infringement and elimination of property, including land rights, of ethnic and cultural identity of the German population). The actual alienation of land from the Germans of foreign and Russian citizenship was almost never observed in Western Siberia, but their economic and social statuses were threatened. However, in these difficult circumstances, German agribusiness preserved its business and public reputation. This was due to the position of the local authorities, who enforced many circulars from the centre rather formally, in the administrative practice mode. Another important fact to be taken into account is that while being in a different ethnic environment in Siberia German entrepreneurs did not consider themselves outcasts, as eventually they were drawn into the new economic, cultural and social communication. On the other hand, the “anti-German campaign” marked the desire to unite various German communities of the region in the face of a common threat, helping to strengthen the awareness of unity and national identity. Since 1917, representatives of the German business community began to actively engage in politics, defending the idea of the national-cultural autonomy of Siberian Germans.

REFERENCES

1. Kirillov, V.M. (2015) Contemporary national historiography on the campaign of “the fight against german dominance” during World War I. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2(29). pp. 88–97. (In Russian).
2. Lor, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv “vrazheskikh poddannyykh” v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: Campaign against “enemy subjects” during the First World War]. Translated from English by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Levin, Z.I. (2001) *Mentalitet diaspor (sistemnyy i sotsiokul’turnyy analiz)* [The mentality of the diaspora (systematic and sociocultural analysis)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
4. Dyatlov, V.I. (2000) *Sovremennyye torgovye men’shinstva: faktor stabil’nosti ili konflikta? (Kitaytsy i kavkaztsy v Irkutске)* [Modern trade minorities: a factor of stability or conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow: Natalis.
5. Armstrong, J. (1976) Mobilized and Proletarian Diasporas. *American Political Science Review*. 70:2. pp. 393–408.
6. Alishina, G.N. (2010) [Struggle against the “inner German” during the First World War in Tomsk Province]. *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul’tura* [Germans of Siberia: history and culture]. Proceedings of the VI international conference. Omsk: Nauka. pp. 47–53. (In Russian).
7. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 5948. Pages 8, 106–109 rev., 162, 163, 165. (In Russian).
8. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 366. List 1. File 413. Page 2. (In Russian).
9. Alishina, G.N. (2013) *Nemtsy Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: strategiya i praktika diasporalizatsii* [The Germans of Tomsk Province in the late 19th – early 20th centuries: strategy and practice of diasporalisation]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. Pages 4, 37. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 45. File 1274. Pages 14, 16. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1483. List 1. File 1. Page 2 rev. (In Russian).
13. Vibe, P.P. (ed.) (2009) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of Germans in Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
14. *Sibirskaya zhizn’*. (1914) 14 September.

15. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
16. Vibe, P.P. (1996) Obrazovanie i stanovlenie nemetskikh koloniy v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Education and formation of German colonies in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
17. Zashibina, E.L. & Kiselev, A.G. (1997) Nemetskie kommersanty v Omskom Priirtysh'e v nachale XX veka [German merchants in the Omsk Irtysh region in the early 20th century]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
18. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. Op.1. File 2695a. Page 16. (In Russian).
19. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 272. List 1. File 195. Page 185. (In Russian).
20. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 271. List 1. File 44a. Page 13. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 4201. Pages 167, 175. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 44. File 4204. (In Russian).
23. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. (In Russian).
24. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [German colonies in Siberia: the socio-economic aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
25. State Archive of Tobolsk. Fund 335. List 1 (607). File 30. Page 15. (In Russian).
26. Vibe, P.P. (2011) *Nemetskie kolonii v Sibiri v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy kontsa XIX – pervoy trety XX v.* [German colonies in Siberia under the conditions of social transformations of the late 19th – first third of the 20th centuries]. Omsk: [s.n.].
27. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 270. List 1. File 652. Page 31. (In Russian).
28. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 6059. (In Russian).
29. Kotvitskaya, G.A. (2003) Otnoshenie k Pervoy mirovoy voyne v massakh. 1914–1916 gg. (po materialam Omskogo zhandarmskogo upravleniya) [Attitude to the First World War among the masses. 1914–1916. (On materials of Omsk gendarmerie administration)]. In: Khudyakov, V.N. & Kiselev, A.G. (eds) *Stranitsy metodologii i istorii* [Pages of methodology and history]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
30. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 67. List 2. File 2930. Page 126. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. (In Russian).

Received: 28 November 2017